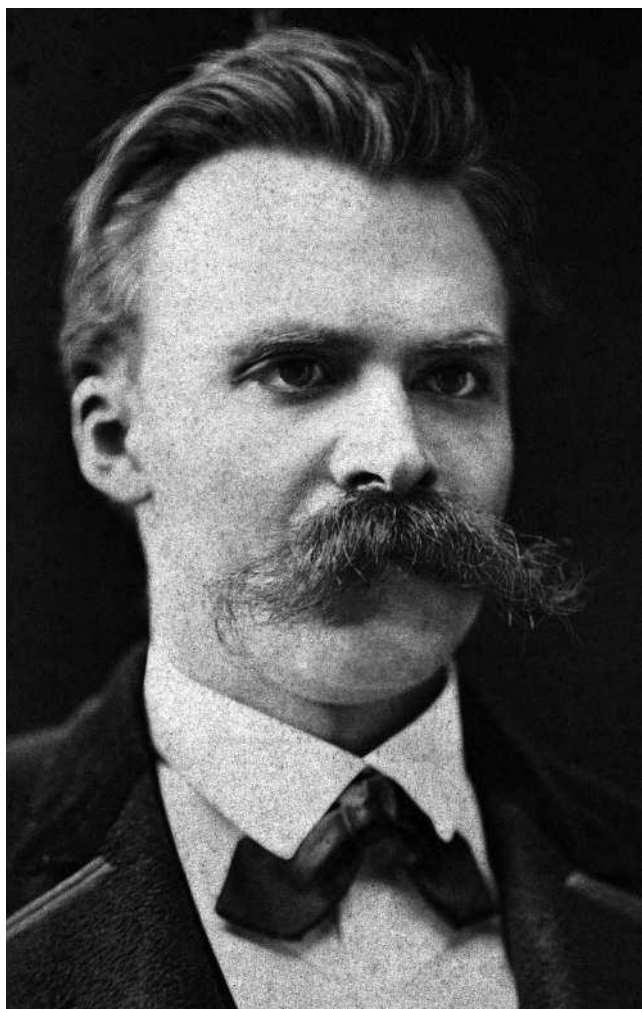

БИБЛИОТЕКА
ВОЕННОЙ
И ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ФРИДРИХ НИЦШЕ
1844—1900

ФРИДРИХ
НИЦШЕ

Воля
к власти

Издательство АСТ
Москва

УДК 1(091)(430)
ББК 87.3(4Гем)
Н70

Все права защищены.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается
Перевод с немецкого:

Г. Рачинский (введение и заключительные замечания),
Е. Герцык (кн. I), Т. Гейликман (кн. II, гл.3),
М. Рубинштейн (кн. II, гл. 2, кн. III, гл. 2),
М. Рудницкий (кн. II, гл. 1, кн. III, гл. 3–4, кн. IV),
Е. Соловьева (кн. III, гл. 1).

Ницше, Фридрих.

Н70 Воля к власти / Фридрих Ницше ; пер. с нем. Т. Гейликман
и др. — Москва : Издательство АСТ, 2019. — 480 с. —
(Библиотека военной и исторической литературы).

ISBN 978-5-17-116990-9

Эта книга великого немецкого философа Фридриха Ницше (1844–1900) не была завершена им самим. В свет она вышла в реконструкции, предпринятой его сестрой Элизабет Фёрстер-Ницше и Петером Гастом уже после смерти философа. Неоднозначность оценок получившегося произведения способствует глубокому и вдумчивому изучению заметок Ницше, оказавших влияние на развитие философии и истории XX в. Издание предназначено для специалистов и широкого круга читателей.

УДК 1(091)(430)
ББК 87.3(4Гем)

ISBN 978-5-17-116990-9

© Рудницкий М.Л., перевод на русский язык
© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2019

Введение

Еще весной 1883 года, когда мы с братом были в Риме, он говорил, что намерен, как только окончит «Заратустру», написать свое главное теоретико-философское сочинение в прозе; когда же осенью 1884 года в Цюрихе я напомнила ему этот разговор и спросила о положении дела, он таинственно улыбнулся и намекнул, что пребывание в Энгадине было в этом отношении весьма плодотворно. Мы уже знаем из введения к восьмому тому, как велико было значение этого лета в деле разработки его главного прозаического труда. Однако нет никаких оснований думать, что основные мысли этого произведения возникли лишь в ту пору; нет, они уже полностью в поэтической форме содержатся в «Заратустре»; это совершенно ясно из того, что наброски и планы, относящиеся к концу 1882 года, то есть ко времени до возникновения первой части «Заратустры», имеют весьма большое сходство с идейным содержанием «Воли к власти».

Но само собой разумеется, что мир новых мыслей не мог быть исчерпан в «Заратустре»; он требовал еще и отдельного теоретико-философского прозаического изложения, продолжая в то же время из года в год расти и становиться отчетливее. Мы встречаемся поэтому в планах, относящихся к лету 1884 года, все с теми же проблемами, что и в «Заратустре», а позднее в «Воле к власти». Все, что им было написано с этого времени, представляет лишь дальнейшее выяснение и изображение этих основных мыслей; так что о «Воле к власти» можно, пожалуй, сказать то же, что мой брат писал Якову Буркхардту по поводу «По ту сторону добра и зла», а именно, что в этом сочинении «говорится о тех же предметах, что и в «Заратустре», но иначе, весьма иначе».

Что автор хотел переждать несколько лет (он говорит о шести и даже о десяти годах), прежде чем приступить к окончательной разработке этого огромного произведения, а пока собирал только драгоценные камни для стройки и занимался обширными подготовительными изысканиями по этому предмету, это — более чем понятно. Кроме того, из планов, относящихся к лету 1884 года, можно усмотреть, что он в то время еще колебался в вопросе, какую из глав-

ных своих мыслей выдвинуть на первый план и сделать средоточием этого произведения: вечное ли возвращение, или переоценку всех прежних высших ценностей, распорядок ли рангов вплоть до их вершины, сверхчеловека ли, или волю к власти как принцип жизни, роста и стремления к господству. Но с каждым годом он, по-видимому, все яснее сознавал, что необычайная сложность жизненной ткани лучше всего может найти свое выражение в «воле к власти».

Здесь уместно задаться вопросом: когда же собственно у философа впервые зародилась эта мысль о воле к власти как воплощенной воле к жизни. На подобные вопросы в высшей степени трудно дать ответ, так как у моего брата корни его главных мыслей всегда приходится искать в весьма отдаленном времени. Для него, как и для здорового, могучего дерева, нужны были долгие годы, прежде чем мысли его могли получить свою окончательную форму и ясные очертания, за исключением впрочем одной: вечного возвращения, которая предстала ему впервые летом 1881 года, а год спустя получила свое выражение. Быть может, мне будет позволено привести здесь одно воспоминание, которое может дать кое-какие указания относительно времени первого возникновения мысли о воле к власти.

Осенью 1885 года, перед тем как уехать с мужем в Парагвай, мы с братом предприняли целый ряд чудесных прогулок в окрестностях Наумбурга, чтобы повидать еще раз места, где протекло наше детство. Так однажды мы бродили между Наумбургом и Пфортою по возвышенностям, с которых открывался замечательный вид вдаль; в этот вечер освещение было особенно красиво: желтовато-красное небо было покрыто темными, черными облаками, сообщавшими всему окружающему какой-то странный колорит. Эта картина вызвала брата на замечание, что облака эти напоминают ему один вечер из тех времен (1870), когда он был санитаром на театре войны (нейтральная Швейцария не позволяла профессору своего университета отправиться на войну в качестве солдата). Обучившись уходу за больными в Эрлангене, он получил от тамошнего комитета поручение отправиться в качестве уполномоченного и начальника санитарного отряда на поле битвы. Ему доверены были большие суммы и дан был ряд личных поручений: так что ему пришлось переезжать от лазарета к лазарету, от одной амбулатории к другой в районе военных действий, останавливаясь только для того, чтобы оказать помощь раненым и умирающим и принять от них их последнее прощание близким и родным. Что пришлось перенести за это время сострадательному сердцу моего брата — не поддается описанию, еще месяцы спустя ему слышались стоны и жалобные вопли несчастных раненых. В первые годы он почти не мог говорить

об этом, и когда Роде однажды в моем присутствии жаловался, что так мало слышал от своего друга о пережитом им в бытность его санитаром, брат мой с выражением муки на лице заметил: «Об этом не надо говорить, это невозможно; нужно гнать от себя эти воспоминания!» И в тот осенний день, о котором я начала говорить, он рассказал мне только, как однажды вечером, после всех этих ужасных скитаний, он «с сердцем, почти разбитым состраданием» приехал в маленький городок, через который пролегла большая дорога. Когда он обогнул городскую стену и прошел несколько шагов вперед, он вдруг услышал шум и грохот, и мимо него, как сверкающая молниями туча, пронесся красивый кавалерийский полк, великолепный как выражение народного мужества и задора. Но вот стук и гром усиливаются, и за полком в стремительнейшем темпе несется его любимая полевая артиллерия и, ах, как больно было ему не иметь права вскочить на коня и быть вынужденным сложа руки стоять у этой стены! Напоследок шла пехота беглым шагом: глаза сверкали, ровный шаг звенел по крепкому грунту, как могучие удары молота. И когда все это шествие вихрем пронеслось мимо него в битву, быть может навстречу смерти, столь величественное в своей жизненной силе, в своем мужестве, рвущемся в бой, являя собой такое полное выражение расы, решившей победить, властвовать или погибнуть, «тогда я ясно почувствовал, сестра, — так закончил свой рассказ мой брат, — что сильнейшая и высшая воля к жизни находит свое выражение не в жалкой борьбе за существование, но в воле к битве, к власти и превосходству!» «Но, — продолжал он, немного помолчав и глядя в пылающее вечернее небо, — я чувствовал также, как хорошо то, что Вотан влагает жестокое сердце в грудь вождей; как могли бы они иначе вынести страшную ответственность, посылая тысячи на смерть, чтобы тем привести к господству свой народ, а вместе с ним и себя». Многие, бесконечно многие пережили в то время нечто подобное, но глаза философа смотрят иначе, чем глаза остальных людей, и он извлекает новые познания из таких переживаний, которые ничего не дают другим. Насколько иным и несравненно более сложным должно было казаться ему столь превозносимое Шопенгауэром чувство сострадания, когда он впоследствии, возвращаясь мысленно к этим событиям, сопоставляя это чувство с представшим тогда его взору чудесным видением воли и жизни, битвы и мощи. В этой последней воле он видел такое душевное состояние, которое обеспечивает человеку полную гармонию его наиболее могущественных инстинктов, его совести и его идеалов; это состояние он усматривал не только в исполнителях такой воли к власти, но также и прежде всего в самом полководце. Быть может именно тогда впервые перед

ним предстала проблема страшного и губительного влияния, которое может иметь сострадание, как некоторая слабость, в те высшие и труднейшие минуты, когда решается судьба народов, и насколько справедливо поэтому предоставление великому человеку, полководцу, права жертвовать людьми для достижения высших целей.

В какой глубокой захватывающей форме появляется впервые эта мысль о воле к власти в поэтических образах «Заратустры»; при чтении главы «О самообладании» во мне всегда встает тихое воспоминание об изображенных мною только что переживаниях, в особенности при следующих словах:

«Где я находил живое, там находил я и волю к власти; и даже в воле слуги — и там я находил волю стать владыкой».

«Что сильнейшему должно служить слабейшее, в этом слабейшее убеждается своей волей, стремящейся стать владыкой над еще слабейшим: одной лишь этой радости не согласно оно лишиться».

«И как меньшее отдается большему, чтобы самому властвовать над еще меньшим и радоваться о нем: так и самое великое в свою очередь отдает себя и могущества ради полагает жизнь свою».

«В том и самопожертвование высшего, что оно и отвага, и опасность, и игра в кости, где ставкой является смерть».

Весной 1885 года, по завершении четвертой части «Заратустры», мой брат, насколько можно судить по его заметкам, уже решил сделать волю к власти, как жизненный принцип, средоточием своей главной теоретико-философской работы. Нам попадаетеся заглавие: «Воля к власти, толкование мирового процесса». Зимой 1885/86 года он собирался сначала написать на эту тему небольшое сочинение, к которому у нас имеется целый ряд набросков. Он называет его: «Воля к власти. Опыт нового миротолкования». Совершенно понятно, что он останавливался в смущении перед необъятностью задачи — изобразить волю к власти в природе, жизни, обществе как волю к истине, религии, искусству, морали, проследив ее во всех ее отдаленнейших последствиях. Увы, как часто, вероятно, ему приходилось с отчаянием говорить себе: «Один! Всегда один! И один в этом огромном лесу, в этих дебрях!» И вот, чтобы хоть немного облегчить себе задачу и сделать ее обозримее, он снова и снова пробует разбить свой большой труд на более мелкие, менее объемистые трактаты. Так, весной 1886 года он набрасывает план десяти новых произведений, которые могли бы быть выпущены в свет в качестве новых «Несвоевременных размышлений».

Но во время своего пребывания в Лейпциге, в мае — июне 1886 года, в то время как он вел переговоры с издателем по поводу на-

печатания «По ту сторону», он пришел к окончательному решению, независимо от «По ту сторону», которое должно было представлять некоторое предуготовление к большому произведению (на самом же деле было отдельным куском этого последнего), — посвятить ближайшие годы целиком разработке и печатанию «Воли к власти». Я вправе, быть может, высказать предположение, что это пребывание (в мае — июне 1886 г.) в Лейпциге отняло у него последнюю надежду найти себе сотоварищей и сотрудников для этой большой работы. Эта надежда на сотрудничество друзей, которая при слабости его глаз представлялась для него вдвойне соблазнительной и, несмотря на пережитые им крупные разочарования, постоянно вновь пробуждалась в нем, была от дней юности восторженной грезой его души, — грезой, которой не суждено было осуществиться. Он пишет:

«Проблемы, перед которыми я стоял, представлялись мне проблемами столь коренной важности, что мне почти каждый год по нескольку раз представлялось, что мыслящие люди, которых я знакомил с этими проблемами, должны были бы из-за них отложить в сторону свою собственную работу и всецело посвятить себя моим задачам. То, что каждый раз в результате получалось, представляло такую комическую и жуткую противоположность тому, чего я ожидал, что я, старый знаток людей, стал стыдиться самого себя и был принужден снова и снова усваивать ту элементарную истину, что люди придают своим привычкам в сто тысяч раз больше важности, чем даже своим выгодам...»

Все дельные люди, бывшие его друзья и знакомые, казались погруженными в свои собственные работы; даже Петер Гаст, единственный помогавший ему друг, ставил все же главной задачей своей жизни и деятельности, согласно желаниям самого моего брата, занятие музыкой. А полезны могли быть ему только наиболее способные из сотрудников. Тогда его охватила мучительная уверенность, что он никогда не найдет себе сотоварища для труднейших своих работ, что ему придется все, все делать одному и в абсолютном одиночестве совершать свой трудный путь. Летом 1886 года, во время чтения корректур «По ту сторону», которым брат занимался в Сильс-Мария, он пользовался каждым свободным часом для разборки накопившегося материала для предполагаемых четырех томов его главного сочинения.

Он свел воедино весь план своей колоссальной работы и наметил ход мыслей, охватывавший все произведение и в существенных своих чертах, за малыми изменениями, сохраненный им до конца. (Содержание третьей книги вошло впоследствии в четвертую, и вставлена

была совершенно новая третья книга.) План, относящийся к лету 1886 года, гласит следующее:

«Воля к власти»

Опыт переоценки всех ценностей

В четырех книгах

Книга первая: Наивысшая опасность (изображение нигилизма как неизбежного следствия прежних оценок). Огромные силы освобождения от оков: но они находятся в противоречии друг к другу; раскованные силы взаимно уничтожают себя. В демократическом строе общества, где всякий специалист, нет места для «зачем?», «для кого?». Нет сословия, в существовании которого многообразные формы страдания и гибели всех отдельных (обращение их жизни в некоторую функцию) находили бы свой смысл.

Вторая книга: Критика ценностей (логика и т. д.). Везде выставить на вид дисгармонию между идеалом и отдельными его условиями (например, честность у христиан, постоянно принужденных прибегать ко лжи).

Третья книга: Проблема законодателя (в ней история одиночества). Раскованные силы надо вновь связать, дабы они не уничтожали друг друга; открыть глаза на действительное умножение силы!

Четвертая книга: Молот. Какие свойства должны иметь люди, устанавливающие обратные ценности? Люди, которые обладают всеми свойствами современной души, но в то же время и достаточно сильны для возвращения этим свойствам полного здоровья; их средства для достижения этой задачи.

Сильс-Мария. Лето, 1886».

Было бы совершенно ошибочно, если бы мы вздумали предположить, что автор «Воли к власти» хотел дать в этом произведении свою систему. Мы знаем, как мало доверял он всяким системам, и как всегда считал он печальным признаком для философа, когда тот замораживал свои мысли в систему. «Систематик — это такой философ, — восклицает он, — который не хочет больше признавать, что дух его живет, что он подобно дереву мощно стремится вширь и ненасытно захватывает все окружающее — философ, который решительно не знает покоя, пока не выкроит из своего духа нечто безжизненное, нечто деревянное, четырехугольную глупость, «систему».

Беспорно, он желал изобразить в этом большом произведении свою философию, свое мировоззрение, но во всяком случае не как догму, но как предварительный регулятив для дальнейших исследований.

Осенью 1886 года брату пришлось прервать на несколько месяцев свою работу над «Волей к власти», так как он писал в это время предисловия для нового издания своих ранее появившихся сочинений, а также пятую книгу «Веселой науки», но в январе 1887 года все было готово к печати и отослано; он вернулся снова к работе над своим главным сочинением. Февраль 1887 года принес с собой страшное землетрясение в Ницце, которое он пережил с замечательным спокойствием и присутствием духа. Он пишет по этому поводу Гасту 24 февраля 1887 года: «Любезный друг, быть может, вас беспокоили известия о нашем землетрясении; пишу вам два слова, чтобы сообщить вам по крайней мере, как дело обстоит относительно меня. Весь город переполнен людьми с потрясенными нервами, паника в отелях прямо невероятная. Этой ночью, около 2–3 часов, я сделал обход и навестил некоторых из своих добрых знакомых, которые на открытом воздухе, на скамейках или в пролетках надеялись избежать опасности. Сам я чувствую себя хорошо: страха не было ни минуты, — скорее очень много иронии!»

Ницца совершенно опустела после этого происшествия, что не помешало, однако, моему брату остаться там на все заранее намеченное им время, несмотря даже на повторение подземного удара. Его так мало затронули эти внешние обстоятельства, что он среди всех волнений, вызванных землетрясением в Ницце, невозмутимо продолжал комбинировать в своем уме основную свою работу и притом по нижеследующему плану:

«Воля к власти».

Опыт переоценки всех ценностей.

Первая книга.

Европейский нигилизм.

Вторая книга.

Критика существующих высших ценностей.

Третья книга.

Принцип новой оценки.

Четвертая книга.

Воспитание и дисциплина.

Набросано 17 марта 1887, Ницца».

Этот план, который по своему общему распорядку почти тождествен вышеприведенному, относящемуся к лету 1886-го, оставался в силе до конца зимы 1888 года. В заключительных замечаниях мы

еще подробнее скажем о позднейших планах и отдельных фазах возникновения «Воли к власти».

Мы со своей стороны были принуждены положить в основу настоящего издания план от 17 марта 1887 года, ибо он был единственным, дававшим довольно ясные указания относительно конструкции произведения. Кроме того, общие точки зрения, намеченные в рубриках плана, оставляют самый широкий простор для размещения, сообразно его смыслу, имеющегося богатого материала, относящегося к другим планам. Этот план оказался особенно удобным для настоящего нового издания, благодаря ему многие главы связаны друг с другом совершенно последовательным ходом мыслей. Но естественно, что и теперь еще есть много пробелов, так что вдумчивый читатель сам принужден приложить руку к делу, чтобы достичь общего взгляда на целое. Предлагаемое произведение представляет в настоящем своем виде немаловажное преимущество: оно дает возможность в значительно большей степени, чем первое издание, заглянуть в духовную лабораторию автора. Мы как бы видим перед своими глазами возникновение мыслей и можем одновременно наблюдать, как беспристрастно мой брат проверяет свои собственные мысли, не пытаюсь никогда скрывать от себя возможные слабые и недоказуемые стороны поставленных им проблем. Обстоятельность, с которой они кое-где трактуемы, автор в законченном произведении, быть может, устранил бы (хотя этого нельзя утверждать с уверенностью), для нас же она является большим преимуществом, так как дает нам возможность лучше проникнуть в ход его мыслей. Как много недоразумений может вызывать краткость изложения его мыслей, поучительным примером тому могут служить «Сумерки кумиров». Автор прямо называет «Сумерки кумиров» извлечением из «Воли к власти»; но как ошибочно была понята эта маленькая книжка, именно ввиду ее краткости! Читатели, по-видимому, предположили, что эти основоположные новые мысли представляют собою просто беглые наброски; никто, по-видимому, и не подозревал, на какие широкие предварительные исследования они опирались. Будем надеяться, что настоящее новое издание «Воли к власти» даст об этом лучшее представление.

Число афоризмов в этом новом издании увеличено приблизительно на 570 номеров. При этом, конечно, попадают повторения, но каждый раз с другим оттенком и в другой связи, что необыкновенно способствует уяснению мысли. Многим импровизациям и некоторым, так сказать, пробным постановкам вопросов и проблем вдумчивый читатель сумеет сам дать надлежащее толкование и сам

попытается установить то или другое решение задачи. «Но прежде всего, — как говорит Петер Гаст, — он будет восхищен неисчерпаемостью ницшевского гения в обработке намеченных тем: как он все снова и снова кружит вокруг них, находя в них все более неожиданные стороны, и при этом умеет выразить их в словах, передающих их внутреннее существо».

Грандиозный труд, представлявшийся автору, остался неоконченным. Нам, издателям ницшевского архива, выпало на долю, по мере слабых наших сил, добросовестно собрать в одно целое, руководствуясь дошедшими до нас указаниями автора, драгоценные камни, заготовленные для стройки. Этого не удалось сделать тотчас при первом же издании в удобной для обозрения целого форме, и тяжело было тогда, вспоминая намерения автора, выпускать в свет этот труд в таком несовершенном виде. Быть может это новое, значительно дополненное издание вышло немного удачнее; но если представить себе, как собственная рука мастера разработала бы этот огромный материал, с той же логической последовательностью, как, например, в «Генеалогии морали», пронизать его блеском своего несравненного стиля, — какое бы произведение мы бы имели теперь пред собою! И еще более усугубляет нашу печаль то, что мы из его личных набросков знаем, как он представлял себе выполнение своего главного философско-теоретического труда:

«К введению: мрачная уединенность и пустыньность *Campana romana*¹. Терпение в неопределенном и неизвестном».

«Мое произведение должно содержать общий приговор над нашим столетием, над всей современностью, над достигнутой «цивилизацией».

«Каждая книга есть завоевание, хватка — *tempo lento*² — до самого конца драматическая поза, наконец, катастрофа и внезапное искупление».

Нельзя без чувства глубокого волнения читать приводимую ниже обстоятельную заметку, в которой автор сам устанавливает для себя ту руководящую нить, которой он предполагает держаться при выполнении своей основной работы. Он облакает эти предназначения пока в форму афоризма и дает им заголовок: «Совершенная книга». Но чем дальше он подвигается в этом изложении своих предназначений, тем заметнее становится, что речь идет о его собственной книге, и именно о том главном его произведении, в котором он вознамерил-

¹ Римская Кампанья (лат.)

² Протяжно (итал., муз. термин)

ся изобразить во всей полноте свою философию. Он пишет осенью 1887 года:

«Совершенная книга. Иметь в виду:

1. Форма, стиль. Идеальный монолог. Все, имеющее «ученый» характер, скрыто в глубине. Все акценты глубокой страсти, заботы, а также слабостей, смягчений; солнечные места, короткое счастье, возвышенная веселость. Преодоление стремления доказывать; абсолютно лично. Никакого «я»... Род мемуаров; наиболее абстрактные вещи в самой живой и жизненной, полной крови, форме. Вся история, как лично пережитая, результат личных страданий (только так все будет правдой)... Как бы беседа духов; вызов, заклинание мертвых. Возможно больше видимого, определенного, данного на примере; но остерегаться вопросов настоящего дня. Избегать слов «аристократично, благородно», и вообще всех слов, могущих вызвать предположение, что автор выводит на сцену самого себя. Не «описание»; все проблемы переведены на язык чувства, вплоть до страсти.

2. Коллекция выразительных слов. Предпочтение отдавать словам военным. Слова, замещающие философские термины: по возможности немецкие и отчеканенные в формулу. Изобразить все состояния наиболее духовных людей; так, чтобы охватить их ряд во всем произведении (состояния законодателя, искусителя, человека, принужденного к жертвоприношению, колеблющегося, великой ответственности, страдания от непознаваемости, страдания от необходимости казаться не тем, что ты есть, страдания от необходимости причинять другому боль, сладострастие разрушения).

3. Построить все произведение с расчетом на конечную катастрофу».

Я прибавлю еще несколько пояснений по поводу тем, трактуемых главным образом в первых двух книгах «Воли к власти»: нигилизма и морали. Известно, как неверно было понято отношение автора именно к этим двум материям.

Быть может, именно слова «нигилизм», «иммориализм», «неморальность» («нигилистично», «неморально») подали главным образом повод к недоразумению. Поэтому я еще раз хочу подчеркнуть, что нигилизм и нигилистично ничего не имеют общего с какой-либо политической партией, но обозначают то состояние, при котором отвергаются ценность и смысл жизни, а равным образом и всякие идеалы. Столь же мало общего имеют слова «иммориализм», «неморальность» с половой невоздержанностью и распущенностью,

как то предположили пошлые, грубые и глупые люди, основываясь на том, что в обыденной жизни эти слова иногда употребляются в подобном смысле. Мой брат понимал под моралью «систему оценок, соприкасающуюся с нашими жизненными условиями». Против этой системы наших современных оценок, не находящих себе оправдания в данных физиологии и биологии, а потому противоречащих смыслу жизни, обращены его термины «имморалист» и «неморальность». Быть может, было бы лучше, если бы он в этих целях установил и употреблял слова «аморализм» и «аморально», ибо несомненно много недоразумений было бы тем предотвращено. В общем же мне хотелось бы еще подчеркнуть, что критику наших современных моральных ценностей может себе позволить только такой высоко стоящий философ, как Ницше, который всем своим жизненным поведением столь ясно доказал, что он не только совершеннейшим образом осуществляет эти ценности, но стоит выше их, почему и имеет право поставить себе еще более высокую цель и еще более высокие требования. Подобные цели и проблемы — удел весьма немногих; во всяком случае для этого надо иметь, как он сам пишет: «Чистые руки, а не грязные лапы».

Но прежде всего я должна еще раз обратить внимание на то, что его философия имеет в виду распорядок рангов, а не индивидуалистическую мораль: «стадное понимание пусть и царит в стаде, но не переходит за пределы его». Но он не только говорит, что мы должны быть глубоко благодарны морали за то, что она совершила в течение тысячелетий, но он требует и безусловного признания святости бывшей до сего времени в ходу морали. Тот, кто желает стать выше ее, должен за то нести и страшную ответственность и доказать свое право на это незаурядными поступками. Петер Гаст пишет об этом: «Ницше проповедует только исключительным людям и предкам будущих исключительных людей. До народа ему нет дела; для народа тысячи «мыслителей» встала излагали свои мысли, а для более редких почти никто. Правда, что косвенным путем, через посредство таких исключительных людей, дух Ницше проникнет и в массы и очистит когда-нибудь воздух от всего изнеживающего, ослабляющего, порочного в нашей культуре. Ницше — нравственная сила первого ранга! Нравственное, чем все, что ныне называет себя нравственным!»

Быть может, также слова «стадо», «стадное животное», «стадная мораль» могли вызвать неприятное впечатление; мой брат сам воспользовался случаем сказать по этому поводу кое-что в свое оправдание: «И сделал открытие, но это открытие не из приятных: оно унижительно для нашей гордости. Как бы мы ни считали себя